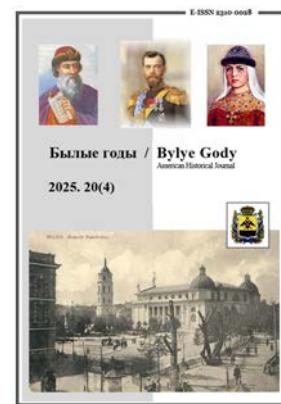

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(4): 1740-1751
DOI: 10.13187/bg.2025.4.1740

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Caucasus War in Soviet and Russian Historiography. Part 2

Andrey V. Bedrik ^{a,*}, Nikita S. Tkachenko ^b

^aSouthern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

With the collapse of the Soviet Union, scientific pluralism appeared in Russia, after which researchers began to interpret the events of various historical processes from different points of view. There was also a history of the North Caucasus, specifically around the terminology of the "Caucasian War". It is impossible to talk about any generally accepted interpretations and assessments of the Caucasian War. The difficult political situation in the 1990s in the North Caucasus, the unstable modern geopolitical realities force many historians of the Caucasus to move away from objectivity and offer ideologically politicized interpretations of the Caucasian War. The difficulty is also present in the fact that one number of researchers departs from historical reality, pursuing political Russophobic or Caucasophobic sentiments, while others follow scientific objectivity. Therefore, the term "Caucasian War" itself is understood differently in modern Russian historiography, and each researcher understands different processes, causes, chronology, and territorial boundaries by this concept. Views and assessments of events are often diametrically opposed: from the claims that the Caucasian War on the part of Russia was in the nature of genocide, infringement and destruction of the North Caucasian peoples to the claims that it was Russia's response to the aggressive expansion and raiding practices of the highlanders, or about centuries-old Russian-Mountain peaceful interactions. In our time, there have been repeated calls to create some common approaches and generally accepted concepts in the study of the Caucasian War, but this has not led to the expected results. These circumstances have given rise to a "war of historiographies" around these events and the very term "Caucasian War" so far.

Keywords: Russian historiography, Caucasian war, Caucasian studies, "war of historiographies", ideological contradictions, median position, Russian Empire, North Caucasus, highlanders, North Caucasian peoples.

1. Введение

С распадом Советского Союза российская историческая наука оказалась в принципиально новых условиях, когда на смену жёсткому идеологическому контролю пришёл относительный плюрализм. Плюрализм мнений господствует в российской историографии Кавказской войны и по сей день. При этом сложная политическая обстановка в 1990-е гг. на Северном Кавказе, а также современная geopolитическая обстановка заставляют многих историков-кавказоведов отходить от объективности и предлагать очевидно идеологически и политически заряженные интерпретации Кавказской войны. Поэтому и сам термин «Кавказская война» в современной российской историографии понимается различно, и каждый исследователь понимает под этим понятием разные процессы, причины, хронологию и территориальные рамки.

В то же время в XXI в. неоднократно звучали призывы уйти от идеологизированности в изучении Кавказской войны, выработать некие общие подходы и общепризнанные концепты. Так, 14–15 октября 2013 года в г. Ростов-на-Дону прошёл международный Форум историков-кавказоведов,

* Corresponding author

E-mail addresses: avbedrik@sfedu.ru (A.V. Bedrik)

в котором приняло участие 44 историка из разных регионов: СКФО, ЮФО, Москвы, Абхазии, Южной Осетии и др. Участники форума в своих выступлениях призывали сделать шаг к ослаблению политизации исторической науки на Кавказе и Юге России, перейти от бескомпромиссной полемики различных школ и направлений, в той части этноцентрических, к конструктивному диалогу по спорным и дискуссионным вопросам истории народов Северного Кавказа и русско-горских взаимоотношений. Обсуждались вопросы методологии региональной истории, понятийно-терминологического инструментария исследований истории, а также предложены пути консолидации историков Юга России. На форуме была принята Хартия кавказоведов ([Форум историков, 2013: 123](#)).

Однако подобные пожелания в значительной степени остаются пожеланиями – в том числе, как нам кажется, и потому, что исследователи зачастую склонны считать наиболее объективной собственную позицию, а идеологизированной и политизированной – позицию своих оппонентов. И в своей статье мы покажем, что представленные в постсоветской российской историографии мнения о Кавказской войне настолько разнообразны, что выработать на их основании некую общую позицию, без отказа от части взаимоисключающих концептов и идей, невозможно.

2. Материалы и методы

Мы использовали преимущественно те же методы и опирались на те же принципы подбора материала, что и в первой части нашей статьи. Так, мы рассматривали только русскоязычную историографию и анализировали только научные работы (без учёта научно-популярных, публицистических и проч.). В то же время мы считаем нужным оговорить, что, с учётом регулярно встречающихся взаимных обвинений представителей различных кавказоведческих школ в ненаучности, под научностью мы будем понимать формальную принадлежность работ к научной литературе, т. е. их публикацию в качестве рецензируемых монографий, статей в научных журналах или сборниках научных конференций. Действительно, по уровню эмоциональности, используемой лексике и т. п. некоторые разбираемые нами работы скорее похожи на публицистические, а не на научные, однако, с нашей точки зрения, элементы публицистики уже стали характерной особенностью кавказоведческой литературы.

Подобное решение связано ещё и с тем, что методологически мы будем стремиться к максимальной деперсонализации нашего анализа. Нашей целью будет не выявление правильных или ошибочных представлений о Кавказской войне, но анализ того, насколько расходятся различные мнения о ней. В рамках заданной методологии мы считаем себя не вправе исключать из рассмотрения работы, получившие даже минимальное признание своей научности в виде публикации в качестве научного издания.

3. Обсуждение и результаты

Как отмечал один из авторитетнейших кавказоведов рубежа XX–XXI вв. В.В. Черноус, в постсоветский период терминология Кавказской войны политизируется, а концептуальные подходы поляризуются. Причиной данного явления, по его мнению, стали трагические события Чеченского кризиса. Полемика становится бескомпромиссной, переходит на страницы центральных и местных СМИ, позиции и риторика которых оказывают заметное влияние на научные издания. Характерной чертой дискуссий становится, с одной стороны, «кавказофобия», а с другой – «русофобия». Усиливаются взаимные обвинения в сепаратизме и в великородственном шовинизме. «Если в одних публикациях демонизируется политика России на Кавказе, которая сводится, якобы только к насилию и целенаправленному геноциду при почти мифологической героизации борьбы горцев. В других акцент сделан на подвигах русских войск и казачества в подавлении борьбы горцев, подчеркивается социально-экономическая отсталость и фанатизм последних» ([Черноус, 2006: 678](#)).

Все это создаёт предпосылки для своеобразной «войны историографий». При этом одной противоборствующей стороной оказываются историки из республик Северного Кавказа, а другой – наиболее патриотически настроенные российские историки. Кавказская война из важного исторического события превращается в фактор влияния на текущую политическую ситуацию или основополагающий фактор национальной идентичности.

Ю.Ю. Клычников и С.И. Линец отмечали, что перед событиями Первой Чеченской войны в Чеченской республике ширилась кампания по возвращению «исторической памяти», и на прошлое начинали смотреть через призму взаимной вражды и конфронтации. «Самой модной темой “национально озабоченных” историков становилась т. н. “Кавказская война”, которую преподносили исключительно как борьбу горцев за свободу и независимость с колониальной Россией» ([Клычников, Линец, 2008: 184](#)). Данные факты можно расценить как причины столь принципиальной нынешней «войны историографий» в современности.

Рассмотрим в этом контексте мнения ряда историков из республик Северного Кавказа.

В интерпретации В.Х. Кажарова Кавказская война была по продолжительности столетней, и в результате неё 90 % адыгов было изгнано со своей исторической родины в пределы Турции. Следовательно, для них война закончилась этнической катастрофой. Данные обстоятельства,

по мнению В.Х. Кажарова, дали возможность российскому правительству разоружать остатки адыгского населения, которые теперь жили среди казачьих станиц, и проводить реформы (Кажаров, 2014: 759-760).

А.Х. Касумов тоже интерпретирует Кавказскую войну как длительную героическую борьбу адыгов за свою свободу и независимость, войну антиколониальную и национально-освободительную, закончившуюся трагическими последствиями и геноцидом для адыгского этноса, причём причины данных обстоятельств кроются не только в методах и формах российской политики в регионе, но и в корыстных действиях местной горской знати и иностранных держав (Касумов, 1992: 196-197).

К.Ф. Дзамихов интерпретировал Кавказскую войну как сложный, драматический процесс взаимодействия российской и адыгской систем в период с конца XVIII в. по середину 60-х гг. XIX в., в рамках которого происходило разрушение первой системы и подчинение её второй, ставшей господствующей. В интерпретации К.Ф. Дзамихова Кавказская война предполагала невозможность взаимопонимания и сотрудничества между адыгами и российскими подданными, так как целью России в этой войне являлся военно-политический контроль над важным геополитическим регионом, а для адыгов целью было сохранение своей социоцивилизационной экосистемы, защита суверенитета своей традиционной культуры, выживание. Дзамихов обращает внимание, что для адыгского населения Кавказская война является национальной катастрофой,войной, унёсшей сотни тысяч жизней, разрушившей почти всю материальную и духовную культуру, затормозившей дальнейшее социально-политическое развитие горцев (Дзамихов, 2005: 43-44).

Не менее трагическая участь, в интерпретации Ш.А. Курмангуловой, постигла в ходе Кавказской войны и ногайцев, для которых, по мнению исследовательницы, эта война началась в 1770-е гг. А закончилась Кавказская война для ногайцев в её интерпретации истреблением и переселением в 1860-е гг. «Во главе русской армии стоял Суворов. Под его командованием, в прямом смысле слова, истребляли, резали стариков, женщин и детей» (Курмангулова, 2006: 340).

Чеченские историки Я.З. Ахмадов и Э.Х. Хасмагомадов, размышляя о Кавказской войне, считали, что данная война является неоцененной в советской и российской историографии, которые остаются, по их мнению, европеоцентричными. Кавказская война, по мнению авторов, «являлась самым крупным и значимым общественно-политическим и государственным событием в истории России XIX века». В качестве аргумента авторы ссылались на тот факт, что Россия тратила на данную войну огромные денежные средства и ресурсы военных сил (в период 1801–1864 гг. Россия потеряла на полях боя около 80 тыс. человек; погибли от ран, эпидемий и др. около 300 тыс. человек; в период 1840–1859 гг. Россия тратила на Кавказ около 1/6 своего государственного бюджета) (Ахмадов, Хасмагомадов, 2005: 220).

Таким образом, в интерпретации ряда историков из республик Северного Кавказа Кавказская война не просто была народно-освободительной, как предполагалось большинством советских авторов. Эта война оказывается важнейшим событием в истории их народов, почти уничтоженных в её ходе российскими властями, или даже важнейшим событием в истории России XIX в. Однако некоторые авторы идут ещё дальше.

Так, похожее видение процессов во время Кавказской войны наблюдается и у Х.И. Тугуза, только с более эмоциональным и радикальным подтекстом. Данный автор использует термин «Русско-Кавказская война», за которым, в его интерпретации, стоят исключительно жестокие, кровопролитные формы и методы со стороны российских властей: истребление, уничтожение, геноцид горцев и др. В рамках отмеченной нами выше логики актуализации событий прошлого Х.И. Тугуз доказывает, что «Русско-кавказской войне» есть аналогии в политике российской власти в наше время, в которой до сих пор присутствуют формы ущемления прав и свобод кавказских этносов. При этом данный автор считает свою позицию единственно верной, прямо утверждая, что иные точки зрения – всего лишь мифы, «фальшивь» и околонаучные/паранаучные суждения (Тугуз, 2006: 489-545). Использование терминологии «Русско-Кавказская война» при описании событий Кавказской войны с похожими сюжетными линиями можно встретить и у Т.А. Чурея (Чурей, 2006). Таким образом, в данных случаях ещё и отвергаются в качестве не достойных рассмотрения все другие интерпретации Кавказской войны.

В то же время следует отметить в качестве важнейшего факта современной историографической ситуации то, что большая часть авторов из республик Северного Кавказа в целом продолжает действовать в рамках тех интерпретаций Кавказской войны, которые были характерны для советского периода. Большой популярностью у них пользуется наиболее распространённое в советский период толкование, предполагающее, что Кавказская война была противостоянием свободолюбивых горцев и тиранической Российской империи, но без интерпретаций этой войны как геноцида или этнической катастрофы. Более того, как и в советский период, эта интерпретация может сопровождаться обвинениями в сторону горских феодалов и позитивной оценкой ряда российских деятелей.

В первоначальном виде, без подобных дополнительных нюансов, подобный подход характерен для Р.М. Бегеулова. Исследователь допускает факты в период описываемых событий российско-горских мирных взаимодействий (Бегеулов, 2019: 630-631). Тем не менее, по его мнению, Кавказская

война, которая шла в первой половине XIX в., принесла народам Кавказа неисчислимые бедствия и страдания, поломала их вековой уклад жизни и заставила сотни тысяч горцев покинуть свою родину. События во время данной войны перекроили политическую и этническую карту Северного Кавказа, изменили судьбу народов Кавказа, их быт, общественные, политические и экономические отношения. Война, шедшая за справедливую независимость, закончилась поражением и вхождением горцев в состав России, несмотря на мужественную борьбу ([Бегеулов, 2002: 89-90](#)). Похожие идеи можно встретить также у Т.Х. Кумыкова ([Кумыков, 1994](#)), Э.А. Шеуджен ([Шеуджен, 2006](#)) и др. Коснёмся только некоторых работ, в которых преобладает эта распространённейшая точка зрения на Кавказскую войну.

Ю.У. Дадаев при описании Кавказской войны придерживался той мысли, что характер войны был колонизаторским и захватническим со стороны царской России и народной, оборонительной, национально-освободительной со стороны свободолюбивых горцев, сравнивая их борьбу со стихотворными строками Расула Гамзатова, в которых говорится о том, что собственная честь выше всех вершин Востока ([Дадаев, 2006: 6](#)).

А.Д. Панеш характеризует Кавказскую войну как войну адыгов за независимость, причём подчёркивает, что адыги находились в сложной и неоднозначной ситуации, оказавшись под влиянием геополитической борьбы между Россией и Турцией. Автор отмечает, что в период Кавказской войны отношения адыгов и России были неравнозначны, так как серьёзное влияние на их характер оказывали внешнеполитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка ([Панеш, 2004: 413-414](#)).

Другие авторы концентрируют внимание на общем трагизме Кавказской войны или внешнем влиянии, способствовавшем её тяжелейшему характеру.

А.Н. Мусаев в одной из своих работ, посвящённой деятельности шейха Мансура, дал название главе «Кавказская война», где отметил, что интерес борьбы России за Северный Кавказ с её конкурентами в лице Турции, Персии и Крымского ханства ощущался ещё с конца XVII в. Укрепление российских позиций на Кавказе во второй половине XVIII в. и освоение ею природных богатств края могло, по мнению автора, осложнить российско-горские отношения и привести к конфронтации ([Мусаев, 2007: 106-109](#)).

Ш.М. Казиев полагал, что Кавказская война началась 12 мая 1818 г., когда А.П. Ермолов отдаёт войскам приказ перейти Терек и отеснить чеченцев от реки. При том отмечает, что данное вторжение, как начало Кавказской войны, обернулось беспримерной трагедией не только для народов Северного Кавказа, но и для России ([Казиев, 2010: 25](#)).

В то же время следует отметить, что интерпретация Кавказской войны, разумеется, не является имманентно связанной с происхождением предлагающего её историка. В этом контексте показательнее всего деятельность М.М. Блиева и В.В. Дегоева.

М.М. Блиев и В.В. Дегоев обращают внимание на то, что Кавказская война обвязана своим происхождением эколого-географическим особенностям региона, которые влияли на экономическую базу горцев, что привело к развитию набеговой системы, позволяющей восстановить материальный недостаток ресурсов внешней экспансии. Если до присутствия России на Кавказе объектом набеговой системы для «вольных обществ» горцев являлись соседние племена, то со второй половины XVIII в. данным объектом начали быть российские поселения. По мнению авторов, Россия для горцев являлась, с одной стороны силой, создающей препятствия функционированию набеговой системы, а с другой стороны, она в виде богатых казачьих станиц и укреплений вдоль рек Кубани и Терека порождала новые соблазны для нападений. Произошло столкновение на Кавказе противоположных интересов России, для которой целью в данной войне было освоение данного региона и установление своего влияния в важном для неё геополитическом пространстве, и горцев, для которых война являлась не просто боевыми действиями, а чуть ли не основным экономическим укладом, всеохватывающей сферой социально-культурного бытия ([Блиев, Дегоев, 1994: 583](#)).

Также В.В. Дегоев развивает историографическую линию обвинения в Кавказской войне внешних держав, обращая внимание на то, что война являлась механизмом в их руках, с помощью которого Англия, Франция и Турция при любой возможности стремились подорвать и остановить политическое влияние России на Кавказе. При этом, если Англия и Турция вынашивали планы установления политического влияния в регионе и территориальных приобретений, то Франция, в лице Наполеона III, через дипломатическое давление на Россию в Кавказском вопросе стремилась больше к стратегической победе и лаврам победителя, которые позволили бы занять ведущую позицию в Европе ([Дегоев, 1992: 234-238](#)).

Следовательно, единственной константой, объединяющей всех рассмотренных нами выше постсоветских авторов, которых условно можно считать «горской стороной» в «войне историографий», является признание самого факта Кавказской войны. Реальность явления, скрывающегося за этим термином, для авторов из республик Северного Кавказа не подлежит сомнению, что свидетельствует о его общепринятой важности в качестве места памяти. Однако единства нет даже в понимании хронологии Кавказской войны (которая может считаться как столетней, т. е. начавшейся в XVIII в., так и начавшейся в 1817 г., как общепринято, и даже начавшейся

позднее, в 1818 г.). Тем более нет единства и в её интерпретации. Оценки разнообразнее, чем в советский период: от утверждений, что Кавказская война от стороны России носила характер геноцида, до утверждений, согласно которым она стала ответом России на агрессивную экспансию горцев.

Поэтому было бы неверно однозначно противопоставлять друг другу условные «русскую историографию» и «историографию республик Северного Кавказа» как противостоящие друг другу в рамках «войны историографий» вокруг Кавказской войны. Корректнее говорить о своеобразном диапазоне мнений, центральная часть которого представлена в творчестве исследователей как из северокавказских республик, так и из остальных регионов. Противостоят же друг другу именно носители крайних мнений в этом диапазоне, причём, если наиболее негативные оценки роли России характерны исключительно для представителей республик Северного Кавказа, то наиболее позитивные – исключительно для русских авторов.

Принципиальную позицию в этом вопросе занимает Школа В.Б. Виноградова. Если для историков из республик Северного Кавказа характерно употребление понятия «Кавказская война», то представители Школы В.Б. Виноградова – Б.В. Виноградов ([Виноградов, 2004](#)), Н.Н. Великая ([Великая, Великая, 2015](#)), С.Л. Дударев ([Дударев, Дударев, 2012](#)) и др. – в своих работах принципиально или не употребляют термин «Кавказская война», или употребляют в кавычках, или дополняют термин словосочетанием «так называемая». В данном случае, в отличие от работ ряда советских авторов, разобранных в прошлой части исследования, речь идёт не просто об отказе от употребления данного термина, но об осознанной его критике, аргументирующей, что события на Кавказе XIX в. носили разноплановый характер и не сводились только к боевым действиям. В трудах представителей данной школы события на Кавказе XIX в. интерпретируются как сложный процесс интеграции горцев Северного Кавказа в состав России, переориентация экономических операций горцев с традиционной работорговли на мирные экономические занятия и формы торговли, служба горцев России. В наиболее принципиальной оценке, в частности, самого В.Б. Виноградова, отрицается сам факт войны, вместо которой предлагается говорить о «многовековых русско-северокавказских взаимоотношениях, государственной интеграции» ([Виноградов, Виноградов, 2006: 94](#)). Свой подход В.Б. Виноградов позиционирует как основывающийся на «истинной патриотичности исследователей, столь решающей в оценках и взглядах на прошлое, настоящее и будущее многонациональной России» ([Виноградов, Виноградов, 2006: 95](#)).

При этом некоторые отдельные представители подобных взглядов, подобно своим оппонентам Х.И. Тугузу и Т.А. Чурею, позиционируют в качестве ненаучных отличные от их взглядов интерпретации сюжетов, связанных с историей Кавказа. В частности, в сборнике одной из конференций, организованных Школой В.Б. Виноградова, была опубликована статья И. Столярова, в которой автор объявлял ненаучной деятельность Института антропологии и этнологии РАН: «Все последующие годы институт продолжал заниматься выполнением привычного политического заказа: во всех мыслимых и немыслимых бедах малых и не очень народов прямо или косвенно обвинялся «имперский центр» и сама единая государственность» ([Столяров, 2006: 130](#)).

Несмотря на отказ представителей Школы В.Б. Виноградова от использования термина «Кавказская война», в последующем в рамках этой Школы возник такой термин, как «Малая Кавказская война». К.В. Скиба рассматривает под «Малой (кордонной) Кавказской войной» военно-политические события на Кубанской Линии в период с 1801 по 1827 г. Автор детально рассматривает процессы, где помимо военно-политических столкновений, присутствуют и мирные формы взаимодействия сторон на данной территории ([Скиба, 2005](#)).

Целый ряд русских исследователей, не являясь представителями Школы В.Б. Виноградова, в той или иной степени высказывают близкие к ней взгляды, в том числе и прямо указывая на согласие с некоторыми её идеями. Так, О.В. Матвеев позитивно пишет о концепции «российской» представителей школы В.Б. Виноградова ([Матвеев, 2013: 287-288](#)). Кроме всего, О.В. Матвеев рассматривает Кавказскую войну через призму войны, приобретавшей постепенно черты взаимополезного «фронтинга» – контактного пограничного пространства с большими возможностями общения и восприятия друг друга ([Матвеев, 2015: 5](#)).

Подобное «фронтинговое взаимопознание» в период Кавказской войны описывают работы историков О.С. Пылкова ([Пылков, 2011](#)) и В.В. Лапина ([Лапин, 2008](#)), где на примере солдат Отдельного Кавказского корпуса показано, как русская армия в процессе постоянства войны и необходимой адаптации к реалиям края была вовлечена в процесс формирования культуры фронтира, элементы которой вступали в противоречие с уставными нормативными требованиями. При этом В.В. Лапин охарактеризовал Кавказскую войну как явление, лишённое внутреннего единства ([Лапин, 2008: 10-11](#)).

Схожую оценку рассматриваемых событий можно также встретить у А.М. Ерохина, Е.А. Авдеева, С.М. Воробьева. Исследователи отмечают, что Северный Кавказ в XIX в. становится не только южным фронтиром России, но и зоной формирования разнообразных смешанных и переходных культур, активного русско-горского экономического и культурного взаимодействия, интеграции народов Северного Кавказа в социокультурное пространство России ([Ерохин et al., 2022: 412](#); [Ерохин et al., 2023: 821](#)).

Довольно интересную позицию в отношении термина «Кавказская война» занимает Ю.Ю. Клычников. В его интерпретации термин «Кавказская война» вызывает справедливые нарекания со стороны исследователей своей абстрактностью и расплывчатостью. Исследователь также обращает внимание на тот факт, что данный термин трактуется далеко неоднозначно и включает в себя различные аспекты, среди которых можно выделить набеговую практику, порождённую формированием феодальной собственности и образованием государственности у некоторых горских народов, geopolитические интересы России, Британии, Турции и Персии в регионе и др. Кроме того, Клычников отмечает, что Кавказская война является более географическим определением, нежели оценочным, потому некоторые исследователи считают целесообразным применять его либо в кавычках, либо употреблять пояснение «так называемая Кавказская война». Тем не менее, по мнению исследователя, в силу устоявшихся научных традиций и в ситуации, где предлагаемая новая терминология ещё менее соответствует данному явлению, целесообразно употреблять данный термин, пока не будет найден новый, отражающий более точную суть дела (Клычников, 2004: 315).

Крайне любопытная оценка творчества Ю.Ю. Клычникова В.В. Черноусом. По его мнению, Ю.Ю. Клычников смог рассмотреть военные события и российскую политику на Северном Кавказе в первой половине XIX в. в более широком контексте, чем его предшественники. При этом российская политика анализировалась им через призму geopolитических аспектов и противоречий интеграции народов Северного Кавказа и формирования «российскости» (по В.Б. Виноградову). Хотя в принципе «российскость» не является общепринятым в науке концептом, данный подход позволил Ю.Ю. Клычникову, как считает В.В. Черноус, отойти от традиционного поиска «виновных» в контексте Кавказской войны и раскрыть общую судьбу народов, их тяжёлое, но неуклонное притирание друг к другу (Черноус, 2006: 678-679).

Таким образом, даже исследователь, чей генезис в качестве учёного связан с научной школой, занимающей достаточно принципиальную позицию в «войне историографий», связанной с Кавказской войной, может видоизмениться в сторону более сбалансированной позиции, не отказываясь при этом от отдельных концепций своей школы. Для многих же историков, происходящих как из русских регионов, так и из республик Северного Кавказа, в принципе характерно более академическое отношение к Кавказской войне.

Следует обратить внимание на любопытный феномен, заключающийся в том, что некоторые исследователи совершенно осознанно апеллируют к российской дореволюционной историографии, возрождая её концепты и интерпретируя их как более корректные по сравнению с концептами советскими. В этом контексте показательна деятельность А.А. Черкасова. Исследователь совершенно прямо утверждает, что в советский период происходило насаждение сверху концепта «национально-освободительной борьбы горцев против царизма», в рамках которого вину за развязывание Кавказской войны возлагали только на русскую сторону и персонально А.П. Ермолова. В интерпретации А.А. Черкасова именно поэтому в советский период начало Кавказской войны начали датировать 1817 г., т. е. началом наступательных боевых действий против горцев. Однако А.А. Черкасов выступает против подобного подхода, считая более обоснованной датировку Кавказской войны, принятую до 1917 г. (1801–1864 гг.). Он указывает на набеги горцев на российскую территорию и предлагает датировать начало Кавказской войны 1801 г., когда к Российской империи была присоединена Восточная Грузия, что резко обострило конфликт Российской империи и горцев (Cherkasov et al., 2017: 68-85). Таким образом, А.А. Черкасов не отрицает факта Кавказской войны и не утверждает, что в XIX в. между горцами и Российской империей доминировало мирное взаимодействие. Но при этом он однозначно рассматривает горцев как виновников войны, а Россию – как позитивную для региона силу, боровшуюся с рабством. В фундаментальном сборнике документов «Черкесские невольничьи повествования», однако, термин «Кавказская война» остаётся почти невостребованным А.А. Черкасовым, и приведённые документы о захвате горцами в плен подданных Российской империи приводятся начиная с 1792 г. (Cherkasov, 2020: 1415-2266). Тем не менее, исследователь всё же считает XVIII в. предысторией Кавказской войны, отмечая, что первые рабы с территории Российской империи были захвачены черкесами ещё в 1780 г. (причём речь идёт только о документально зафиксированных случаях) (Черкасов, 2019: 1355-1367).

Предлагаются и новые концепты. Я.А. Гордин, рассматривая и рассуждая о Кавказской войне, видит в ней не только военные действия, но и устройство завоёванного края, предполагавшее регуляцию поземельных отношений и расселение мигрирующего под воздействием военных действий населения, а также привлечение на российскую сторону лояльных горцев (Гордин, 2000: 300). Отправной точкой боевых действий со стороны России на Кавказе автор считает 1559 г. – период, когда московские стрельцы, донские, уральские и гребенские казаки покорили и заселили город Терки (Гордин, 2000: 259). Кроме всего, Я.А. Гордин выделяет такую немаловажную причину долгой и изнурительной конфронтации сторон в период Кавказской войны, как столкновение двух совсем разных систем, «непонимание» противника с обеих сторон, их разное психологическое мышление. При этом Я.А. Гордин не отрицает завоевательного сознания России, которое заложил ещё Пётр I во время Каспийских походов, причём в его интерпретации это сознание основывалось на

стремлении жёстко включить приобретённые территории в единую регулярную систему с игнорированием самой органики процесса (Гордин, 2000: 48).

Исследователи Е.Ф. Кринко, С.Я. Сущий, А.М. Мамадалиев при анализе негативных демографических явлений на Северном Кавказе в XIX в., к которым привела Кавказская война, достаточно неожиданно не считают доминирующей причиной этих явлений сражения горцев с русской армией. Авторы справедливо заметили, что смертность населения в рассматриваемые события происходила по ряду и других не менее весомых факторов – эпидемий, неурожаев, продолжавшихся междуусобиц, добровольных и вынужденных миграций. Кроме того, периоды интенсивного вооружённого противоборства с Российской империей, как правило, являлись непродолжительными и перемежались длительными периодами перемирия (Krinko et al., 2017: 833).

А.Т. Урушадзе отмечает, что адаптироваться к реалиям Кавказской войны приходилось не только российским подданным, но и горцам. А.Т. Урушадзе при определении характера и сущности мюридизма и имамата Шамиля использует теорию модернизации. Историк отмечает, что для исламских обществ модернизация является сложным процессом ломки традиционных институтов. Религия была движущей силой для имамата как процесса модернизации, а препятствием реформирования являлись горские традиции и адыты (Урушадзе, 2010: 10). Кроме того, А.Т. Урушадзе попытался отрефлексировать со стороны историческую память адыгов. Не оценивая подобные утверждения с точки зрения их соответствия историческим фактам, исследователь отмечает, что Кавказская война для адыгов является важнейшим местом памяти и стержнем исторического самосознания, а факт споров вокруг хронологических рамок Кавказской войны (в историческом сознании адыгов Кавказская война длилась с 1763 по 1864 г., а в большом российском нарративе – с 1817 по 1864 г.) является «причиной мемориального разрыва между адыгской этнической группой и большим российским обществом» (Урушадзе, 2018: 129, 131).

Подобный подход изучения исторической памяти народов Северного Кавказа в последние десятилетия получил определённое распространение. Близкие сюжетные линии можно встретить в работах советского и российского антрополога, археолога и историка В.А. Шнирельмана. Он отмечает, что этнонациональная история на Северном Кавказе играет огромную социальную роль, в рамках которой роль прошлого в жизни каждого человека тесно связана с прошлым его народа. Каждая группа, стремящаяся развить своё самосознание, в какой-то момент создаёт миф о своих происхождениях и судьбе, что призвано привить её членам гордость за своё прошлое и породить веру в свою способность сформировать собственное будущее (Шнирельман, 2006: 9, 10). Кроме всего, Шнирельман заметил, что «историческая истина» интерпретируется историками всегда по-разному в зависимости от их исходных установок. Многие определяются не требованиями научной методологии, а стимулами, связанными с политическими, социальными, религиозными, культурными, национальными, эпохальными и другими факторами (Шнирельман, 2003: 15-16). В.А. Шнирельман, описывая в своей книге проблемы в развитии историографии по исследованию Кавказа, отметил, что сегодня горцы стремятся забыть о своём участии в набеговой практике, а русские – о жестокостях царских генералов во время Кавказской войны (Шнирельман, 2006: 267).

А.Ю. Шадже, Л.Р. Хут, Е.С. Куква заметили, что Кавказская война является базовым сюжетом в исторической памяти народов Северного Кавказа. Исследователи обратили внимание на то, что для северокавказских народов боевые действия на завершающем этапе Кавказской войны и трагедия мухаджирства являются такими же символическими объектами памяти, как для французов – Жанна д'Арк и Триумфальная арка (Shadzhe et al., 2014: 134).

А.Ю. Перетятько изучил проблему оформления Кавказской войны в памяти донского казачества и проследил изменения отношения донских авторов к данному событию в дореволюционной историографии. Автор отмечает, что в работах донских казаков-современников участие донского казачества в Кавказской войне интерпретировалось как совокупность отдельных подвигов донцов, участвовавших преимущественно в русско-турецких/русско-персидских кампаниях. Понятие «Кавказская война» при трактовке событий вообще не использовалось (Перетятько, 2022: 223, 228). Данные обстоятельства автор объясняет тем, что Кавказская война являлась очень тяжёлым событием для донского казачества, продемонстрировавшим в его ходе низкую боеспособность. Если говорить о конце XIX – начале XX в., то процессу участия донских казаков в Кавказской войне начинают придаваться черты героизации и сакрализации, и он занимает ведущее место. Популяризируется и создаётся мемориальный культ донских генералов – участников Кавказской войны (на примере Я.П. Бакланова) (Перетятько, 2022: 230-234).

Таким образом, и в том, что можно условно называть «русской историографией» Кавказской войны в противовес «историографии республик Северного Кавказа», отсутствует однозначное идентичное единство. Напротив, внутри этой историографии уже можно выявить непримиримые противоречия между авторами, рассматривающими Кавказскую войну в качестве классического вооружённого противостояния, и авторами, отрицающими корректность термина «Кавказская война» и интерпретирующими события XIX в. как интеграцию Кавказа в состав России. В то же время мнения большинства русских историков не содержат непримиримых противоречий с мнениями «умеренных» учёных из республик Северного Кавказа.

4. Заключение

Из рассмотренных нами исследований достаточно наглядно видно, что говорить о каких-либо общепринятых интерпретациях и оценках Кавказской войны нельзя. Любое утверждение, даже самое базовое (например, о самом факте этой войны, её хронологии, причинах, результатах (если подразумевать под результатом не победу России, но значение этой победы)) оспаривалось тем или иным автором даже в рамках исключительно русскоязычной научной историографии после 1917 г. Поэтому выделить некие «общепринятые» оценки данного явления в рамках исторической науки можно только, объявив ненаучными оценки как минимум наиболее радикальных сторонников той или иной стороны в рамках «войны историографий». Но в подобном случае корректнее говорить не об «общепринятых», а о «медианных» оценках.

При этом, как видно из эволюции оценок Кавказской войны в русскоязычной историографии, эти медианные оценки менялись со временем. Если в раннесоветский период медианной оценкой было безусловное признание факта Кавказской войны, рассматриваемой в качестве колониальной агрессии Российской империи против свободолюбивых горцев, то в позднесоветский период, при формальном господстве той же оценки, её сущность значительно трансформировалась: распространились интерпретации, предполагающие неоднозначность конфликта, прогрессивную роль России (пусть и выступающей колонизатором), реакционность горских феодалов и внешнее влияние на них. Наконец, в современный период медианным становится представление о Кавказской войне как о сложном, неоднозначном конфликте, в рамках которого нельзя возлагать вину на произошедшее исключительно на одну из сторон.

В то же время эволюция современной русскоязычной историографии Кавказской войны далеко не завершена, на продолжающуюся «войну историографий» очевидно влияют политические события, и, нравится это нам или нет, актуальность темы Кавказской войны и её очевидная важность для историков из республик Северного Кавказа показывают, что данный спор едва ли может быть разрешён чисто историческими методами. В случае со спорами вокруг Кавказской войны, история слишком часто оказывается «политикой, опрокинутой в прошлое», – и, пока остаётся не разрешённой в полной мере проблема инкорпорации Северного Кавказа в пространство России, либо пока Северный Кавказ не перестанет взаимодействовать с этим пространством, проблема интерпретации Кавказской войны не станет чисто академической темой для исследований.

5. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Литература

Ахмадов, Хасмагомадов, 2005 – Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005. 996 с.

Бегеулов, 2002 – Бегеулов Р.М. Карабай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002. 178 с.

Блиев, Дегоев, 1994 – Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. 591 с.

Великая, Великая, 2015 – Великая Н.Н., Великая Е.В. Мирные формы интеграции Северо-Восточного Кавказа в состав Российской империи (1801–1859 гг.). Армавир, 2015. 252 с.

Виноградов, 2004 – Виноградов Б.В. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Краснодар; Армавир, 2004. 91 с.

Виноградов, Виноградов, 2006 – Виноградов Б.В., Виноградов В.Б. «Кавказская война» – изжившая себя дефиниция в познании процесса включения Северного Кавказа в состав России // Вопросы южнороссийской истории. 2006. 1: 94.

Гаджиев, Пикман, 1998 – Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Российские демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX века. Махачкала, 1998. 120 с.

Гордин, 2000 – Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. 462 с.

Дадаев, 2006 – Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политico-правовая и военно-административная система управления. Махачкала, 2006. 505 с.

Дегоев, 1992 – Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX в.: монография. Владикавказ, 1992. 312 с.

Дегоев, 2013 – Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. 256 с.

Дзамихов, 2013 – Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005. 109 с.

Дударев, Дударев, 2012 – Дударев С.Л., Дударев Д.С. Вклад декабристов в формирование толерантного отношения российского общества к народам Северного Кавказа. Армавир, 2012. 124 с.

Кажаров, 2014 – Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014. 904 с.

Казиев, 2010 – Казиев Ш.М. Имам Шамиль. М., 2010. 383 с.

Касумов, 1992 – Касумов А.Х. Геноцид адыгов: Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. 199 с.

Клычников, 1999 – Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. 135 с.

Клычников, 2006 – Клычников Ю.Ю. «Кавказская война» в фольклорном отражении народов Северного Кавказа / Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 315–327.

Клычников, Линец, 2008 – Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки). Пятигорск, 2008. 211 с.

Кумыков, 1994 – Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. 112 с.

Курмангулова, 2006 – Курмангулова Ш.А. Кавказская война в ногайском фольклоре // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 340–348.

Лапин, 2008 – Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. 400 с.

Матвеев, 2013 – Матвеев О.В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопознания // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 285–289.

Матвеев, 2015 – Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. 272 с.

Мусаев, 2007 – Мусаев А.Н. Шейх Мансур. М., 2007. 304 с.

Панеш, 2006 – Панеш А.Д. К проблеме российско-адыгских отношений в период Кавказской войны (теоретико-методологические аспекты) / Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 413–417.

Перетятько, 2022 – Перетятько А.Ю. Донская дареволюционная историография Кавказской войны: от маловажной войны к мемориальному культу Я.П. Бакланова // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 4. С. 221–238.

Пылков, 2011 – Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.): монография. Армавир, 2011. 248 с.

Скиба, 2005 – Скиба К.В. Из истории «Малой Кавказской войны» на Кубанской Линии. Армавир, 2005. 123 с.

Столяров, 2006 – Столяров И. Кто мостили скорбный путь терского казачества // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар, Армавир, 2006. С. 130.

Тугуз, 2006 – Тугуз Х.И. Русско-Кавказская война: правда и мифы // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 489–545.

Урушадзе, 2010 – Урушадзе А.Т. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи – два типа модернизации // Былье годы. 2010. 4(18). С. 10–12.

Урушадзе, 2018 – Урушадзе А.Т. Помнить–нельзя–забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // Политическая наука. М., 2018. №3. С. 129–156.

Форум историков, 2013 – Форум историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 15 октября 2013 г.) // Научная мысль Кавказа. 2013. №4. С. 123–124.

Черкасов и др., 2019 – Черкасов А.А., Королева Л.А., Братановский С.Н. и др. Бегство из Черкесии накануне Кавказской войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1355–1367.

Черноус, 2006 – Черноус В.В. Историография Кавказской войны: новейшие тенденции / Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 676–681.

Черноус, 2007 – Черноус В.В. Народы Кавказа: традиции и современность. Круглый стол «Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе» // Научная мысль Кавказа. 2007. № 2. С. 52–60.

Чурей, 2006 – Чурей Т.А. Художественное мировоззрение адыгов диаспоры в творчестве Ахмета Мидхата Хагура / Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 655–675.

Шеуджен, 2006 – Шеуджен Э.А. Историческая память и проблемы Кавказской войны / Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2006. С. 692–704.

Шнирельман, 2003 – Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. 592 с.

Шнирельман, 2006 – Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. 696 с.

Begeulov, 2019 – Begeulov R.M. The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834 // Bylye Gody. 2019. 52(2): 624–633.

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., et al. The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research // *Bylye Gody*. 2017. 43(1): 68-85.

[Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // *Bylye Gody*. 2020. 57-1(3-1): 1415-2266.

[Erokhin et al., 2022](#) – Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 412-421.

[Erokhin et al., 2023](#) – Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2022. 18(2): 821-829.

[Krinko et al., 2017](#) – Krinko E.F., Suschiy S.J., Mamadaliev A.M. Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders // *Bylye Gody*. 2017. 45(3): 821-835.

[Shadzhe et al., 2014](#) – Shadzhe A.Yu., Khut L.R., Kukva E.S. Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy // *Bylye Gody*. 2014. 32(2): 132-139.

References

[Akhmadov, Khasmagomadov, 2005](#) – Akhmadov, Ya.Z., Khasmagomadov, E.Kh. (2005). *Istoriya Chechni v XIX-XX vekakh* [The history of Chechnya in the XIX-XX centuries]. M. 996 p. [in Russian]

[Begeulov, 2002](#) – Begeulov, R.M. (2002). *Karachai v Kavkazskoi voine XIX veka* [Karachai in the Caucasian war of the 19th century]. Cherkessk. 178 p. [in Russian]

[Begeulov, 2019](#) – Begeulov R.M. (2019). The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834. *Bylye Gody*. 52(2): 624-633.

[Bliev, Degoev, 1994](#) – Bliev, M.M., Degoev, V.V. (1994). *Kavkazskaya voyna* [The Caucasian war]. M. 591 p. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2017](#) – Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., et al. (2017). The Losses of the Russian Army during the Caucasian War (1801–1864): Historical and Statistical Research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

[Cherkasov i dr., 2019](#) – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. i dr. (2019). *Begstvo iz Cherkesii nakanune Kavkazskoi voiny* [Escape from Circassia on the eve of the Caucasian War]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 64(4): 1355-1367. [in Russian]

[Cherkasov, 2020](#) – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1): 1415-2266.

[Chernous, 2006](#) – Chernous, V.V. (2006). *Istoriografiya Kavkazskoi voiny: noveishie tendentsii* [Historiography of the Caucasian War: the latest trends]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremennost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 676-681. [in Russian]

[Chernous, 2007](#) – Chernous V.V. (2007). *Narody Kavkaza: traditsii i sovremenost'*. Kruglyi stol «Problemy Kavkazskoi voiny v noveishei literature» [The peoples of the Caucasus: traditions and modernity. Round table discussion “Problems of the Caucasian War in modern literature”]. *Nauchnaya mys' Kavkaza*. 2: 52-60. [in Russian]

[Churei, 2006](#) – Churei, T.A. (2006). *Khudozhestvennoe mirovozzrenie adgov diasporы v tvorchestve Akhmeta Midkhata Khagura* [The artistic worldview of the Adygs of the Diaspora in the works of Akhmet Midhat Hagur]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremenost'. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Maikop. Pp. 655-675. [in Russian]

[Dadaev, 2006](#) – Dadaev, Yu.U. (2006). *Gosudarstvo Shamilya. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie, politiko-pravovaya i voenno-administrativnaya sistema upravleniya* [The state of Shamil. Socio-economic situation, political, legal and military-administrative management system]. Makhachkala. 505 p. [in Russian]

[Degoev, 1992](#) – Degoev, V.V. (1992). *Kavkazskii vopros v mezhdunarodnykh otnosheniyakh 30-60-kh gg. XIX v.: monografiya* [The Caucasian question in international relations of the 30-60s of the XIX century: a monograph]. Vladikavkaz. 312 p. [in Russian]

[Degoev, 2013](#) – Degoev, V.V. (2013). *Nepostizhimaya Chechnya: Sheikh-Mansur i ego vremya (XVIII vek)* [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansour and his time (XVIII century)]. M. 256 p. [in Russian]

[Dudarev, Dudarev, 2012](#) – Dudarev, S.L., Dudarev, D.S. (2012). *Vklad dekabristov v formirovaniye tolerantnogo otnosheniya rossiiskogo obshchestva k narodam Severnogo Kavkaza* [The contribution of the Decembrists to the formation of a tolerant attitude of Russian society towards the peoples of the North Caucasus]. Armavir. 124 p. [in Russian]

[Dzamikhov, 2013](#) – Dzamikhov, K.F. (2013). *Adygi: bor'ba i izgnanie* [Adygs: struggle and exile]. Nalchik. 109 p. [in Russian]

[Erokhin et al., 2022](#) – Erokhin, A.M., Avdeev, E.A., Vorobev, S.M. (2022). Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes. *Bylye Gody*. 17(1): 412-421.

[Erokhin et al., 2023](#) – *Erokhin, A.M., Avdeev, E.A., Vorobei, S.M.* (2023). Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 18(2): 821-829.

[Forum istorikov..., 2013](#) – Forum istorikov-kavkazovedov (g. Rostov-na-Donu, 15 oktyabrya 2013 g.) [Forum of Historians of the Caucasus (Rostov-on-Don, October 15, 2013)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 4: 123-124. [in Russian]

[Gadzhiev, Pikman, 1998](#) – *Gadzhiev, V.G., Pikman, A.M.* (1998). Rossiiskie demokraty o bor'be gortsev Dagestana i Chechni v 20-50 gg. XIX veka [Russian democrats on the struggle of the mountaineers of Dagestan and Chechnya in the 20-50 years of the XIX century]. Makhachkala. 120 p. [in Russian]

[Gordin, 2000](#) – *Gordin, Ya.A.* (2000). Kavkaz: zemlya i krov': Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka [Caucasus: land and blood: Russia in the Caucasian war of the 19th century]. 462 p. [in Russian]

[Kasumov, 1992](#) – *Kasumov, A.Kh.* (1992). Genotsid adygov: Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke [The genocide of the Adygs: From the history of the struggle of the Adygs for independence in the 19th century]. Nalchik. 199 p. [in Russian]

[Kazharov, 2014](#) – *Kazharov, V.Kh.* (2014). Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov [Selected works on the history and ethnography of the Adygs]. Nalchik. 904 p. [in Russian]

[Kaziev, 2010](#) – *Kaziev, Sh.M.* (2010). Imam Shamil' [Imam Shamil]. M. 383 p. [in Russian]

[Klychnikov, 1999](#) – *Klychnikov, Yu.Yu.* (1999). Deyatel'nost' A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816–1827) [A.P. Ermolov's activity in the North Caucasus (1816–1827)]. Essentuki. 135 p. [in Russian]

[Klychnikov, 2006](#) – *Klychnikov, Yu.Yu.* (2006). «Kavkazskaya voyna» v fol'klornom otrazhenii narodov Severnogo Kavkaza [The “Caucasian War” in the folklore reflection of the peoples of the North Caucasus]. *Kavkazskaya voyna: uroki istorii i sovremennost'*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Maikop. Pp. 315-327. [in Russian]

[Klychnikov, Linets, 2008](#) – *Klychnikov, Yu.Yu., Linets, S.I.* (2008). Severokavkazskii uzel: osobennosti konfliktного potentsiala. (Istoricheskie ocherki) [The North Caucasian knot: features of the conflict potential. (Historical essays)]. Pyatigorsk. 211 p. [in Russian]

[Krinko et al., 2017](#) – *Krinko, E.F., Suschiy, S.J., Mamadaliev, A.M.* (2017). Demographic Consequences of the Caucasian War: on the Issue of Battle Losses of the Highlanders. *Bylye Gody*. 45(3): 821-835.

[Kumykov, 1994](#) – *Kumykov, T.Kh.* (1994). Vyselenie adygov v Turtsiyu-posledstvie Kavkazskoi voiny [The deportation of the Adygs to Turkey is a consequence of the Caucasian War]. Nalchik. 112 p. [in Russian]

[Kurmangulova, 2006](#) – *Kurmangulova, Sh.A.* (2006). Kavkazskaya voina v nogaiskom fol'klore [The Caucasian war in Nogai folklore]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremenost'*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Maikop. Pp. 340-348. [in Russian]

[Lapin, 2008](#) – *Lapin, V.V.* (2008). Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII-XIX vv. [The Russian army in the Caucasian war of the XVIII-XIX centuries]. SPb. 400 p. [in Russian]

[Matveev, 2013](#) – *Matveev, O.V.* (2013). K preodoleniyu istoriograficheskogo tupika v izuchenii Kavkazskoi voiny: kontseptsii vzaimopoznaniya [Towards overcoming the historiographical impasse in the study of the Caucasian War: concepts of Mutual Understanding]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 11: 285-289. [in Russian]

[Matveev, 2015](#) – *Matveev, O.V.* (2015). Kavkazskaya voina: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki [The Caucasian war: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar. 272 p. [in Russian]

[Musaev, 2007](#) – *Musaev, A.N.* (2007). Sheikh Mansur [Sheikh Mansour]. M. 304 p. [in Russian]

[Panesh, 2006](#) – *Panesh, A.D.* (2006). K probleme rossiisko-adygskikh otnoshenii v period Kavkazskoi voiny (teoretiko-metodologicheskie aspekty) [On the problem of Russian-Adyghe relations during the Caucasian War (theoretical and methodological aspects)]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremenost'*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Maikop. Pp. 413-417. [in Russian]

[Peretyat'ko, 2022](#) – *Peretyat'ko, A.Yu.* (2022). Donskaya dorevolyutsionnaya istoriografiya Kavkazskoi voiny: ot malovazhnoi voiny k memorial'nomu kul'tu Ya.P. Baklanova [The Don pre-revolutionary historiography of the Caucasian war: from an unimportant war to the memorial cult of Ya.P. Baklanov]. *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 4: 221-238. [in Russian]

[Pylkov, 2011](#) – *Pylkov, O.S.* (2011). Rossiiskaya armiya v transformatsionnykh protsessakh na Severnom Kavkaze (konets XVIII – pervaya polovina XIX vv.): monografiya [The Russian army in the transformation processes in the North Caucasus (late XVIII – first half of the XIX centuries): monograph]. Armavir. 248 p. [in Russian]

[Shadzhe et al., 2014](#) – *Shadzhe, A.Yu., Khut, L.R., Kukva, E.S.* (2014). Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy. *Bylye Gody*. 32(2): 132-139.

[Sheudzhen, 2006](#) – *Sheudzhen, E.A.* (2006). Istoricheskaya pamiat' i problemy Kavkazskoi voiny [Historical memory and problems of the Caucasian War]. *Kavkazskaya voina: uroki istorii i sovremenost'*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Maikop. Pp. 692-704. [in Russian]

[Shnirel'man, 2003](#) – *Shnirel'man, V.A.* (2003). Voiny pamjati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia]. M. 592 p. [in Russian]

Shnirel'man, 2006 – *Shnirel'man, V.A. (2006). Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. M. 696 p. [in Russian]

Skiba, 2005 – *Skiba, K.V. (2005). Iz istorii «Maloi Kavkazskoi voiny» na Kubanskoi Linii* [From the history of the “Little Caucasian war” on the Kuban Line]. Armavir. 123 p. [in Russian]

Stolyarov, 2006 – *Stolyarov, I. (2006). Kto mostil skorbnyi put' terskogo kazachestva* [Who paved the sorrowful path of the Terek Cossacks]. *Iz istorii i kul'tury lineinogo kazachestva Severnogo Kavkaza*. Krasnodar, Armavir. P. 130. [in Russian]

Tuguz, 2006 – *Tuguz, Kh.I. (2006). Russko-Kavkazskaya voyna: pravda i mify* [The Russian-Caucasian War: Truth and Myths]. *Kavkazskaya voyna: uroki istorii i sovremennost'*. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Maikop. Pp. 489-545. [in Russian]

Urushadze, 2010 – *Urushadze, A.T. (2010). Imamat Shamilya i tanzimat Osmanskoi imperii – dva tipa modernizatsii* [The Imamate of Shamil and the Tanzimat of the Ottoman Empire are two types of modernization]. *Bylye Gody*. 4(18): 10-12. [in Russian]

Urushadze, 2018 – *Urushadze, A.T. (2018). Pomnit'-nel'zya-zabyt': Kavkazskaya voina v istoricheskoi pamyati adygov i rossiiskom prostranstve kommemoratsii* [Remember-cannot-forget: The Caucasian War in the historical memory of the Adygs and the Russian space of commemoration]. *Politicheskaya nauka*. 3: 129-156. [in Russian]

Velikaya, Velikaya, 2015 – *Velikaya, N.N., Velikaya, E.V. (2015). Mirnye formy integratsii Severo-Vostochnogo Kavkaza v sostav Rossiiskoi imperii (1801–1859 gg.)* [Peaceful forms of integration of the Northeastern Caucasus into the Russian Empire (1801–1859)]. Armavir. 252 p. [in Russian]

Vinogradov, 2004 – *Vinogradov, B.V. (2004). Ocherki etnopoliticheskoi situatsii na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg.* [Essays on the ethnopolitical situation in the North Caucasus in 1783–1816]. Krasnodar; Armavir. 91 p. [in Russian]

Vinogradov, Vinogradov, 2006 – *Vinogradov, B.V., Vinogradov, V.B. (2006). «Kavkazskaya voina» – izzhivshaya sebya definitsiya v poznaniii protsessa vklyucheniya Severnogo Kavkaza v sostav Rossii* [The “Caucasian War” is an outdated definition in understanding the process of the incorporation of the North Caucasus into Russia]. *Voprosy yuzhnorossiiskoi istorii*. 1: 94. [in Russian]

Кавказская война в советской и российской историографии. Часть 2

Андрей Владимирович Бедрик ^a *, Никита Сергеевич Ткаленко ^a

^a Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. С распадом Советского Союза в России появился научный плюрализм, после чего исследователи начали трактовать события тех или иных исторических процессов с разных точек зрения. Не обошлось и без истории Северного Кавказа, а конкретно – вокруг терминологии «Кавказской войны». Говорить о каких-либо общепринятых интерпретациях и оценках Кавказской войны нельзя. Непростая политическая обстановка в 1990-е гг. на Северном Кавказе и нестабильные современные geopolитические реалии заставляют многих историков-кавказоведов отойти от объективности и предлагать идеологически-политизированные интерпретации Кавказской войны. Сложность присутствует и в том, что один ряд исследователей отходит от исторической действительности, преследуя политические русофобские либо кавказофобские настроения, другие же следуют научной объективности. Поэтому и сам термин «Кавказская война» в современной российской историографии понимается неодинаково, и каждый исследователь понимает под этим понятием разные процессы, причины, хронологию и территориальные рамки. Взгляды и оценки на события имеются часто диаметрально противоположные: от утверждений, что Кавказская война со стороны России носила характер геноцида, ущемления и уничтожения северокавказских народов, до утверждений, согласно которым она стала ответом России на агрессивную экспансию и набеговую практику горцев, либо о многовековых русско-горских мирных взаимодействиях. В наше время неоднократно звучали призывы создать некие общие подходы и общепризнанные концепты в изучении Кавказской войны, однако это не привело к ожидаемым результатам. Данные обстоятельства порождают «войну историографий» вокруг данных событий и самого термина «Кавказская война» до сих пор.

Ключевые слова: российская историография, Кавказская война, кавказоведение, «война историографий», идеиные противоречия, медианная позиция, Российская империя, Северный Кавказ, горцы, северокавказские народы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: avbedrik@sfedu.ru (А.В. Бедрик)